После ужина в столовой для буровиков начальник пригласил Кешу и Костю к себе в кабинет. Этот кабинет представлял собой половину финского домика, служа и рабочим местом, и жилым помещением для него.

Фёдор Фёдорович, шестидесяти лет от роду, всю свою жизнь посвятил скитаниям в поисках нефти. Семьи у него не было. Какая семья может быть у бродяги, каким он считал себя. Отложив определённую сумму денег на сберкнижку, на всякий случай, он большую часть своей зарплаты переводил в детский дом в Саратове, где воспитывался, рано потеряв попавших под лавину родителей – геологов. Получив путёвку в жизнь в детском доме, он посвятил свою жизнь геологии.

Кеша с Костей вошли в вагончик и, по жесту хозяина, присели на нижние нары, служившие вместо стульев. Кеша Кержак снял с головы меховую шапку, положил её возле себя и, пригладив ладонью волосы, спросил:

– Зачем позвал, Фёдорович?

– Не позвал, а пригласил. Разговор будет, – ответил начбур*, как его сокращённо за глаза называли работяги. – А просьба у меня будет великая, ребята!

* начбур – ***начальник буровой.***

Нужно срочно смотаться на базу, получить и доставить сюда горючее для буровой, которого осталось «кот наплакал», а также коронки для бурения и продукты для рабочих, которые тоже уже на исходе.

– Фёдор Фёдорович, ты же знаешь, что наш «мазик», так ласкательно Кеша называл «Ураган»*, загружен под завязку. Тем более, мы у тебя – транзитом… Завтра мы с Костей помашем вам ручками, и наш «путь во мраке» поведёт к Лобазинским озёрам, где нас ждут такие же, как вы, добытчики чёрного золота и длинного рубля. Вернее – не нас, а наш груз… И с какого перепугу мы нарушим приказ главного инженера управления?

– Подожди, Кержак, не кипятись. Я всё уладил, с кем надо – никто ваш мазик перегружать не будет.

Прозвище Кержак прилипло к Кеше не за религиозность, просто у него была привычка: при входе в жилое помещение снимать головной убор.

– Вы, наверное, уже слышали, что нашего водителя тягача срочно отправили вертушкой

* «Ураган» – *вездеход.*

на материк с серьёзным заболеванием, и когда он вернётся – одному Богу известно. Машина вам, бывшим танкистам, знакома почти. То же управление на гусеничном ходу и танковый двигатель. Правда, скоростёнка поменьше.

Да и куда гнать?.. А на озёра – неделей раньше, неделей позже, роли не играет. Всё равно там ведут подготовительные работы, и пока не закончат, оборудование ставить не будут.

– Ну как, Костян, берёмся? – спросил Кеша у напарника.

И, не дожидаясь ответа, вновь обратился к начбуру:

– Ну, а как насчёт наряда? Время – деньги.

– Не переживайте, в обиде не будете. Закрою наряд как надо.

И, считая разговор законченным, добавил:

– А сейчас – отдыхать!

До главной базы расстояние было где-то в пределах двухсот пятидесяти километров. По северным меркам – так себе, если бы не какое-нибудь непредвиденное «но». А это «но», во-первых, включало в себя машину, за рычаги которой они впервые садились, не зная, какие у неё «болячки» и как она поведёт себя в пути. Во-вторых, синоптики обещали перемену погоды. Успеют ли добраться до базы?

«Ну, да Бог не выдаст, свинья не съест», – решили друзья.

– Пойдём, Костян, взглянем на чудо-технику, – молвил Кеша.

И они двинулись к стоявшему у склада тягачу. Подойдя к нему, начали осмотр с двигателя, знакомого ещё с армейских времён. Осмотрели натяжку и крепёж гусеничных траков.

Забравшись в кабину и запустив двигатель, испытали его работу на различных режимах, проверили показания датчиков и всякую мелочь, которая могла принести в пути неприятности. Проверили наличие топлива в баках, ёмкости с маслом. Чувствовалось, что механик-водитель знал своё дело досконально. Значит, техника подвести не должна, а это главное, а остальные дела они решат после отдыха.

Успокоенные друзья направились в общагу, то есть к бараку, служившему пристанищем для командированных и транзитных шофёров.

В бараке было тепло, так как печи исправно протапливала местная женщина, долганка. Раздевшись и едва коснувшись подушки, Кеша и Костя сразу же заснули.

На дворе стоял декабрь, разгар полярной ночи, но от снегов и полной луны, что огромным светильником висела над горизонтом, было светло. Будильник разбудил их через шесть часов, как они захотели. Одевшись и наскоро перекусив, Костя направился готовить тягач к выезду, а Кеша принялся разыскивать завхоза, чтобы тот выделил продукты на дорогу и дал документы, по которым они должны получить на базе необходимый для буровой груз.

Завхоза Серёгу они разыскали на складе. Долган по национальности, мужчина неопределённого возраста (ему можно было дать и тридцать, и сорок лет, в зависимости от его настроения), это был не человек, а клад, как выражался о нём Фёдор Фёдорович: за что бы ни брался, всё горело у него в руках. Мог подменить на буровой рабочего, работать на походном токарном станке, заточить цепь у пилы «Дружба» – любые столярные и плотничьи работы ему были по плечу. А ещё завхоз, как он говорил, мог «по нюху» предсказать погоду.

Серёга уже знал о предстоящем рейсе, и едва Кеша зашёл к нему, сразу же сказал:

– Зря вы, ребята, именно сейчас затеяли это дело. Можно бы и обождать дня два-три... Пурга идёт – и низом, и верхом. И компас не поможет – буря магнитная. Не дай бог, в завалы угодите.

Им бы прислушаться к совету да на ус намотать, но молодость есть молодость, она беспечна.

Выдав им несколько банок тушёнки и сгущёнки, приличный кусок сала, чай, две бутылки спирта и хлеб, а из вещей – спальные мешки, и, выйдя вслед за ними покурить, Серёга произнёс:

– Не нравится мне всё это. Мороз спал, да небо на горизонте совсем затуманилось, как в молоке. Видите: снег под ногами закурился... Зря рискуете!

Велев подождать его, зашёл в склад и, вернувшись, протянул Кеше ракетницу и две коробки с сигнальными ракетами:

– Это на всякий случай. А я скажу радисту, чтобы он связался с базой, и если через три дня вы не прибудете туда, пусть принимают меры… Ну, ни пуха!

Он протянул Кеше руку.

Проверив ещё раз, не забыли ли что, Кеша сел на пассажирское сиденье, а Костя, включив передачу и стронув тягач с места, повёл его в сторону зимника.

Зимник – это условное название дороги, проложенной до базы тягачами на колёсном и гусеничном ходу. На нём нет указательных вех, так как на тундровые расстояния и тайги не хватит. Вьюги разрушают его, но он всё равно восстанавливается. И так до весны.

Машина бодро подминала под себя километры. Подменяя друг друга за рычагами, они прошли уже большую часть пути и настроились, что рейс пройдёт благополучно. Но когда одолели ещё десятка два километров, в их души стала вкрадываться тревога. Ручейки позёмки начали нарастать, сливаться друг с

другом, а снежная пыль поднималась выше и выше. А сверху воздух стал набухать, темнеть, превращаясь в упругую массу, и она, вливаясь в нижнюю, превращалась в снежную карусель.

Кто бы мог подумать, что ещё полчаса назад всё обстояло иначе. Оставалось только гадать, на какое время настроилась эта свистопляска – сутки, двое, неделю?

Двигаться дальше опасно: у Большой реки много притоков с крутыми берегами, вровень занесёнными снегом, и не дай Бог, слетишь вниз, да ещё в промоину. Здесь и могила, и памятник из тягача...

Друзья решили переждать, пока пурга пойдёт на убыль.

Заглушили двигатель, лишь иногда запуская его, чтобы не прихватило морозом масло и дизтопливо, а также для подзарядки аккумуляторов и поддержки нормальной температуры в кабине.

Сложнее было с тем, что время от времени нужно было выходить наружу по надобности. Пурга «набрала обороты» во всю мощь, демонически хохоча и скуля, буквально вырывала дверцу кабины при попытке открыть её. Решили на всякий случай привязываться тонким капроновым тросиком – одним концом за рычаги управления, а другим, обматывая себя вокруг пояса. Прочный тросик надёжно оберегал от случайностей.

Так проползли трое суток – не прошли, а проползли в ожидании. На базе уже давно получили радиограмму, но ни один пилот не поднимет на поиски вертушку в воздух, пока погода не наладится.

Парни уже устали от сидения и лежания. Кеша даже пробовал шутить: «Поели – теперь поспим, поспали – теперь поедим». Организм требовал физической нагрузки. Но где её возьмёшь в кабине?

На четвёртые сутки ветер ослаб, молочная пелена сверху начала понемногу рассеиваться. Внизу порывы ветра стали тише, но всё равно, когда Костя выбрался из машины, его чуть не сбило с ног. Ветер и мороз вытянули влагу из снега, и невидимые кристаллики тысячами игл впились в лицо, и он поспешил забраться назад в кабину.

В ожидании прошло ещё несколько часов. Наконец, пурга пошла на убыль. Посоветовавшись, друзья решили обозначить своё пребывание выстрелами сигнальных ракет: авось обнаружится живая душа? Зарядив ракетницу красной ракетой и взяв несколько штук про запас, Костя выбрался из кабины и выстрелил вверх. Ракета, уйдя в небосвод, озарила его тусклым малиновым светом. Переждав немного, выпустил ещё пару штук…

Ветер дул в их сторону и донёс до него слабый ответный звук ружейного выстрела. Выстрел был глухим, но всё равно Костя его услышал.

Вернувшись в кабину, сообщил об этом Кеше, указал направление звука выстрела, и тот двинул тягач с места. Время от времени они останавливались, и Костя, вылезая наружу, вновь и вновь пускал ракеты – давал знать, что ответный выстрел услышан, и они двигаются на него.

Ружейные выстрелы стали более отчётливыми, и вдруг в блуждающем свете фары-искателя тягача возник силуэт зверя. Кеша затормозил. Перед ними стояла собака – обыкновенная лайка северной породы. Убедившись, что попала в поле зрения людей, она развернулась и неторопливо побежала назад.

Периодически собака останавливалась и, убедившись, что машина следует за ней, бежала дальше. Наконец, она остановилась возле фигуры человека, который, заметив машину, пытался встать, но это ему плохо удавалось, и он валился на бок.

Ребята выскочили из машины, подбежали к нему. Старались перекричать затихающий, но ещё сильный, ветер:

– Что с тобой?

– Однако ногу подвернул, – ответил человек.

Костя расстегнул брезент заднего борта крытого кузова, и как можно осторожнее, вдвоём с Кешей, они перенесли незнакомца внутрь, прикрыв затем полог, чтобы не задувал ветер.

Включили свет. Аккуратно стянули с пострадавшего меховые брюки, обнажив колено.

– Всё ясно, вывих, – осмотрев распухшее колено, произнёс Кеша.– И, кажется, ещё растяжение связок, – определил он. – Но это в ступне.

– А пока придержи покрепче за бедро, – приказал он Косте и резко дёрнул, держа ногу за голень.

Человек глухо вскрикнул и смолк.

– Ну, вот и всё… «а ты, дура, плакала, а совсем не больно», – неуместно сострил Кеша.

Приказал Косте подать аптечку, достал оттуда широкий бинт и туго обмотал колено.

– Надо бы наложить шину, да где сейчас дощечки найдёшь… Ну, это на время. А доберёмся до места, будет видно, – заключил он.

Натянув обратно брюки, перенесли своего нечаянного «пациента» в кабину и положили на место отдыха позади водителя.

Когда незнакомец более-менее пришёл в себя, ребята напоили его крепким чаем из термоса, и он рассказал о себе.

Зовут его Степан Тренко, охотник-промысловик из оленеводческого совхоза, что недале-

ко от центральной базы буровиков, куда держат путь ребята. Живёт с семьёй в деревянном щитовом доме, но в зимнее время, охотясь на песцов, обитает в походном чуме, рядом с охотничьими угодьями. Посёлок навещает лишь по надобности, когда заканчиваются продукты: хлеб, чай, табак. Всю остальную пищу даёт охота. Зимой охотится на песцов, ставя на них ловушки, а летом работает на звероферме в посёлке, или с бригадой рыбаков на тундровых озёрах ловит промысловую рыбу.

– Я знал, что пурга будет... Думал, успею осмотреть ловушки, ведь после пурги много времени уйдёт на то, чтобы отыскать их. Успел бы... Да вот не повезло. Спускался с пригорка, налетел на укрытую снегом корягу, сломал носок лыжи – вот ногу подвернул. Хорошо, что на всякий случай захватил с собой сокуй* и небольшой запас еды – для себя и собаки. Пурга началась – надел сокуй, зарылись с ней в снег и пережидали, прижавшись друг к другу. Вставать надо было – стряхивать с себя снег, чтобы совсем не завалило...

– В чум мы тебя завозить не будем, – сказал Кеша. – За тобой уход нужен. Ведь кроме вывиха у тебя, вроде, и связки на лодыжке повреждены. Значит, двинем прямо в посёлок. Там передадим тебя в руки жене, а сами на базу, что невдалеке.

Пурга начала утихать, и хоть вилась позёмка, но чувствовалось, что это ненадолго. Видимо, закончилась магнитная буря, так как компас пришёл в рабочее состояние. Да Степан и без компаса знал дорогу в посёлок, тундра – родной дом его.

Закинув в кузов добытых Степаном песцов и втащив туда упирающуюся лайку, Костя привязал её к брусу сидений. Закрепил брезент, сел за рычаги и повёл тягач по направлению, указанному Степаном.

До посёлка они добрались благополучно. Подъехав к дому Степана, помогли ему «дохромать» до жилого помещения с помощью охающей и ахающей жены, раздели и положили его на кровать. Сказали, чтобы она вызвала местного фельдшера – пусть решает, что делать дальше с больным.

Отвязав лайку и передав песцов, они собрались ехать дальше, но Степан протестующе замахал руками и велел жене накормить ребят.

Воистину, это было царское угощение, как выразился Костя. Нежное отварное мясо молодого оленя, копчёные языки и вяленая, истекающая жиром пелядь, нельма и строганина из замороженного чира*…

---

* сокуй – *разновидность верхней мужской одежды у народов севера Западной Сибири.*

* чир – *пресноводная рыба из рода сигов.*

Костя принёс бутылку спирта, подвинул стол к кровати Степана, налив ему, хозяйке и себе с Кешей. Разбавили водой и выпили за здоровье хозяев.

Плотно пообедав, ребята, как ни уговаривал их Степан отдохнуть с дороги, не согласились, так как их ждали на базе.

Тогда он сказал жене по-эвенкийски, и она вынула из сундука две кухлянки – подарила спасителям её мужа.

Кухлянка или малица, как их называют на Севере, делается двойной: нижняя надевается мехом внутрь прямо на тело, а верхняя – мехом наружу. Она имеет прямой покрой, напоминая рубаху без клиньев, с вырезом, в который можно просунуть только голову. Пришивается воротник – обычно из собачьего меха.

Кухлянка бывает до колен или даже ниже – сразу и нижняя, и верхняя одежда. Для длительной езды на оленях и неподвижного сидения сверху надевают сокуй – что-то наподобие нашего овчинного тулупа, но из оленьих шкур. Олень для северян служит и пищей, и одеждой, и средством передвижения.

– Эти кухлянки, – пояснил Степан, – жена шила для нашего сына. По телосложению он, как и вы. Служит на теплоходе, который в навигацию ходит от Енисейска до Сопочной карги. А в зимнее время, после закрытия навигации, работает в порту на ремонте... Из города не выманишь, а если и навестит когда, то ненадолго – отвык от нашего быта и национальной одежды.

– В тундру не ходит, охотой и рыбалкой не занимается, – с горечью пояснил он. – Как-то раз привёз ящик с музыкой – не выговоришь… Как его? Транзистор, что ли? Включил его, а оттуда какие-то хрипы, вой, слова непонятные. А сам как затрясся, задёргался – как шаман при камлании! Мы с женой перепугались. Говорим: убери его и не привози больше... Это город его испортил, как и других молодых людей, что покинули стойбище.

– Так что носите на здоровье! Они вам очень нужны при вашей работе. А когда будет возможность, по пути заезжайте. Мы с женой будем всегда рады вам.

Поблагодарив Степана и его жену за тёплый приём, радушие и подарки, друзья попрощались.

Пообещали, что обязательно заедут при случае, и тягач, фыркнув форсунками, как застоявшийся жеребец, помчал их по направлению базы.

На душе у обоих было тепло от того, что сделали доброе дело, помогли попавшему в беду человеку.

Они обязаны это сделать по законам Севера, где люди зависели друг от друга, где нечистые на душу просто не уживутся, как соринка, попавшая в глаз.

Так вечная мерзлота выдавливает наружу посторонние предметы.

А их ждали... Ждали на главной базе, ждали на буровой, ждали на только что открытой скважине. Ждали дома родные, друзья.

Хорошо, когда тебя ждут хорошие люди! Значит, ты нужен им. Значит, не зря живёшь на белом свете.